

Василий Авченко

КРАСНОЕ
НЕБО

НЕВЫДУМАННЫЕ
ИСТОРИИ О ЗЕМЛЕ,
ОГНЕ И ЧЕЛОВЕКЕ
ЛЕТАЮЩЕМ

Василий Авченко

**Красное небо. Невыдуманные
истории о земле, огне
и человеке летающем**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 908(571.6)

ББК 26.89(256)

Авченко В. О.

Красное небо. Невыдуманные истории о земле, огне и человеке
летающем / В. О. Авченко — «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-154264-1

Эта книга — документальна. О чём она? О Дальнем Востоке первой половины XX века, включая смутные годы Гражданской войны и почти пятилетнюю интервенцию. Об авиации, переживавшей тогда взрывное развитие и бешеную популярность. О полузабытой Корейской войне 1950-1953 годов, в которой негласно участвовали советские лётчики, дравшиеся против американских «суперкрепостей» и «сейбров». О неизбывном стремлении человека к небу, к Луне, к звёздам. О космической гонке СССР и Штатов — от первого спутника до высадки человека на Луну. О странных сближеньях, загадочных совпадениях, непостижимо влияющих на судьбы и прочерчивающих биографии. О неисповедимых тайнах творчества. О вторых, ведомых, дублёрах, проигравших, забытых... О славе и беславии, удаче и неудаче, выборе и пути человеческого. Наконец — или прежде всего — о судьбе вроде бы заурядного военного лётчика Льва Колесникова, вокруг которого странным и порой удивительным образом складываются и переплетаются все вышеобозначенные сюжеты. В линии жизни Колесникова преломилась история его родного Владивостока, страны и мира. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 908(571.6)

ББК 26.89(256)

ISBN 978-5-17-154264-1

© Авченко В. О., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	7
Матвеев-Амурский и его потомки	9
Человек из Хакодате	10
Дети Матвеева	16
Иван-да-Новелла	23
Философ Нон Эсма	28
Александр и Александра: повесть их юности	31
Мальчик с большими ушами	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Василий Олегович Авченко
Красное небо. Невыдуманные истории
о земле, огне и человеке летающем

*...Самолёт – орудие, которое прокладывает воздушные пути, –
приобщает человека к вечным вопросам.*
Антуан де Сент-Экзюпери

© Авченко В.О.

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

По камуфлированным в коричневое и зелёное плоскостям его «мига» били, высекая искры, пули. Пока руки делали что положено, лётчик зачем-то вспоминал: «У “сейбра” шесть пулемётов системы Браунинга, по четыреста двадцать пять патронов на каждый ствол, калибр – двенадцать и семь, как у нашего дэ-шэ-ка». В следующий миг он понял, что самолёт больше не слушается рулей. Оставалось только прыгать. Скороговоркой передал ведущему: «Всё хорошо, временно расстаёмся, связь заканчиваю». Дёрнул, как учили, скобу. Раздался взрыв – это сработал пиропатрон.

Бронезаголовник кресла выбил остекление фонаря, и через секунду лётчик, открыв зажмуренные глаза, обнаружил себя в невесомости и непроглядной облачной вате. Ещё мгновение спустя раскрылся купол, рывок поставил на место голову и ноги. Вылетев из облаков, лётчик увидел внизу, в стороне, плотину ГЭС и реку. Голубую, очень голубую, удивительно голубую реку, разделявшую две азиатские страны.

Это была холодная и одновременно очень жаркая весна 1953-го. Далеко на востоке шли боевые действия, которые потом нарекут первым горячим сражением холодной войны.

Через три года на переделкинской даче знаменитый писатель и большой чиновник сочинит письмо вождям Союза Советских, начинавшееся со слов: «Не вижу возможности дальше жить». Письмо завершится отчаянным заявлением, что автор уходит из этой жизни «с превеликой радостью». Ещё не старый, крепкий и красивый, но совершенно седой человек положит пять страничек (на первой почерк ровен и разборчив, на пятой – нервен, дёрган, малопонятен) на прикроватную тумбочку. Полулёжа в постели, прижмёт к груди подушку, приставит к ней воронённый револьверный ствол и выстрелит прямо в изношенное сердце.

Когда после этого выстрела пройдёт шесть лет, в психиатрической больнице под городом Куйбышевом умрёт странный пациент, который называл себя философом, родному имени предпочитал непонятное латинское прозвище и километрами сочинял ложно-глубокомысленные афоризмы.

Ещё семь лет спустя на поверхность Луны впервые в истории опустится аппарат с людьми. Из него выйдет человек – неуклюжая фигура в громоздком скафандре – и произнесёт, зная, что его через 400 тысяч километров и треск радиопомех слушает вся Земля, заготовленную фразу про маленький шаг одного человека и огромный скачок всего человечества. За ним наружу выберется второй, оглядится вокруг и скажет: «Великолепное... запустение».

В космосе – загадочном, бесконечном, безмолвном – обращаются планеты, звёзды, кометы. По своим расчерченным свыше траекториям, с положенными периодами и закономерностями. Иногда эту стройную и чёткую, как чертёж авиаконструктора, систему нарушают случайности – блуждающие камни, летящие очертя отсутствующую голову. Земля, милая наша колыбель, предохранена атмосферой. Болиды сторают в ней дотла, лишь редчайшим из них удаётся пробить прозрачную броню и достичь земной поверхности (безвоздушная Луна избита метеоритами, как бетонная огневая точка на какой-нибудь линии Маннергейма). Правил тут нет. Никто не возьмётся предсказать, откуда прилетит очередной космический камень и куда ему суждено врезаться.

Если только и в самом деле – *суждено*; если в этом действительно нет случайности. Или же всё происходит произвольно, взезное пространство – не космос, а бессмысленный неживой хаос, и в наших прозрениях и озарениях, как и в удивительных пересечениях человеческих судеб, нет никакого промысла и значения? Хочется верить в обратное, но постижение связи всего и вся недоступно сегодняшнему несовершенному человеку. Разум слаб, нужны какие-то ещё инструменты восприятия и осмысления.

Начну... с чего-нибудь. Буду ходить вокруг стержневой темы моего рассказа кругами – то широкими, то сужающимися, удаляясь от центра и возвращаясь к нему. Двигаться по невидимой и непростой, но подчинённой строгим законам небесной математики орбите, как движется вокруг Земли её старинная спутница Луна, которая сыграет в этом повествовании свою особую роль.

Матвеев-Амурский и его потомки

Ключом к пониманию времени и места может быть изучение фамильных историй.

В случае с Владивостоком, где я живу почти всю свою жизнь и где родился мой центральный герой, многое может рассказать, например, история рода Янковских. Его основатель – ссыльный, участник Польского восстания 1863 года Михаил Янковский. В Приморье он стал видным коммерсантом, исследователем, меценатом.

Или – история семьи обрусевших швейцарцев Бринеров, первый из которых, авантюрист Жюль, попал во Владивосток прямо с борта пиратского корабля. В 1920 году у его сына Бориса Бринера в браке с Марусей Благовидовой родился названный Юлием в честь деда мальчик, в будущем известный как Юл Бриннер – звезда «Великолепной семёрки», обладатель «Оскара».

Биография незаконнорожденного сына декабриста Николая Бестужева Алексея Старцева, который построил в Приморье фарфоровый и кирпичный заводы, разводил оленей, выращивал персики, занимался шелководством...

Семейная драма педагогов Михаила и Марии Сибирцевых, чьи сыновья Всеволод и Игорь в революционную пору стали большевиками, активистами красного подполья – и оба погибли в годы Гражданской войны. Двоюродный брат Всеволода и Игоря – приморский партизан, которого знали под именем Саша Булыга. По-настоящему его звали Александром Фадеевым, впоследствии он стал писателем, автором «Разгрома» и «Молодой гвардии».

И конечно же – история семьи Матвеевых.

Человек из Хакодате

Николай Петрович Матвеев был первым русским (или даже первым европейцем), родившимся в Японии – стране, долгие века застёгнутой на все пуговицы.

Одним из первых русских, посетивших Японию, стал в 1793 году поручик Адам Лаксман, но об открытии официальной российской миссии речи тогда идти не могло.

Писатель Иван Гончаров, состоявший в 1852–1854 годах секретарём при адмирале Евфимии Путятине и отправившийся с ним на фрегате «Паллада» в Японию, писал: «В географии и статистике мест с оседлым населением земного шара почти только один пробел и остаётся – Япония. Странная, занимательная пока своею неизвестностью земля».

В 1853 году Япония отказалась – вынужденно, под давлением Европы и Америки – от политики «сакоку», то есть самоизоляции (буквально – «страна на цепи»), но и после этого оставалась во многом закрытой. Даже сегодня эта её закрытость, несколько потеряв в градусе, никуда не делась: Япония, выражаясь современным языком, держит социальную дистанцию. И всё-таки уже в середине XIX века многое изменилось. По договорам с Штатами, Англией, Францией, Россией, Голландией Япония открыла порты для зарубежных судов. Первыми стали Нагасаки, Канагава (Иокогама) и Хакодате.

В Хакодате в 1858 году заработало российское консульство. Этой первой дипломатической миссией России в Японии руководил спутник Путятина и Гончарова по походу на «Палладе» – востоковед, лингвист Иосиф Гошкевич. Он шаг за шагом строил консульский городок. К двухэтажной резиденции на вершине сопки прибавились баня, пекарня, склады, затем – школа, церковь, лазарет...

Фельдшером при консульстве с 1861 (или с 1864) года состоял некто Пётр Матвеев, ранее служивший на Балтике корабельным лекарем. О нём мало что известно. Он был кантонистом – так называли солдатских детей, в силу происхождения обязанных к военной службе (это фактическое закрепощение детей нижних чинов отменил Александр II). Матери не помнил, отец вроде бы погиб на Кавказе. Петра воспитывали на казённый кошт. Он вёл дневник и будто бы сочинял что-то ещё, но рундучок с рукописью погиб во время шторма.

Жена Петра – Феврония («Фефа») Николаевна Кривогорницына – была камчадалкой. Так называли детей от смешанных браков ительменов, то есть коренных жителей Камчатки, и русских. Сошёлся он с ней уже по пути в Японию.

В биографии сына Петра и Февронии, наречённого Николаем, – масса разночтений, и теперь с этим уже ничего не поделаешь. Забегая вперёд, скажу, что такая же биографическая путаница словно по наследству досталась и его многочисленным потомкам.

Родился он 8 ноября (или декабря) 1865 (или 1866) года в Хакодате, но никаких подтверждающих документов не сохранилось, так что сложно что-либо утверждать наверняка. Некоторые исследователи вообще не убеждены в том, что Матвеев родился в Японии. И всё-таки местом его появления на свет считается Хакодате – крупный город на юго-западе северного японского острова Хоккайдо, «японской Сибири». Сам Матвеев днём своего рождения называл 8 декабря 1865 года.

Крестил младенца Николай Японский (в миру Иван Касаткин) – востоковед и миссионер, прибывший в Японию в 1861 году. Мальчика, вероятно, в его честь и назвали. Николай Японский служил в консульской церкви в Хакодате, в 1870 году добился открытия в Токио православной миссии, при которой учредил семинарию¹. Святитель Николай провёл в Японии

¹ В ней позже будет обучаться первый русский мастер дзюдо, создатель самбо, востоковед и разведчик Василий Ощепков (1893–1937) – осиротевший сын сахалинской каторжанки Марии Ощепковой и столяра Сергея Плисака. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

непростые годы Русско-японской войны. В 1906 году стал архиепископом Токийским и Японским. Умер в Токио в 1912 году, в 1970-м причислен к лику святых.

Пишут, что кормилица маленького Матвеева, японка Ёсико, сбежала из дома и ходила по деревням, показывая европейского мальчика – экзотику для Японии. Так что, возможно, первые слова Коля произносил по-японски.

В трёхлетнем возрасте мальчик вернулся на историческую родину, а именно в Николаевск-на-Амуре – тогда главный порт России на Тихом океане, где базировалась Сибирская флотилия (предшественница Тихоокеанского флота сначала располагалась на Камчатке, потом – на Амуре, с 1871 года – во Владивостоке). Матвеев-отец то ли умер ещё в Японии, то ли был переведён в Николаевск и скончался уже здесь от чахотки.

Феврония снова вышла замуж – за отставного солдата Богданова. Тот пёк пирожки, а Коля их продавал на улицах. Вскоре подросток удрал от крутого нравом отчима, бродяжил, служил на побегушках у торговца-китайца, в денщиках на погранзаставе – на посту Турий Рог у озера Ханка... Это был конец 1870-х, точнее уже не сказать.

Потом Николай оказался во Владивостоке.

В 1885 или 1886 году он, окончив двухлетнюю кадровую школу Владивостокского порта, начал работать модельщиком в литейном цехе – в мастерских, которые в будущем превратятся в Дальзавод, главную ремонтную базу Тихоокеанского флота. Параллельно занимался самообразованием. Учил английский, японский, китайский. Оставив мастерские, поступил на Уссурийскую железную дорогу.

С 1892 года печатался в газетах «Восточный вестник» и «Владивосток» под псевдонимами, самым известным из которых стал Николай Амурский. От Николаевска-на-Амуре или от владивостокского Амурского залива, никакого отношения к далёкому Амуру не имеющего? Или же от полуострова имени генерал-губернатора Муравьёва-Амурского (именно ему Россия обязана присоединением Приамурья и Приморья в 1858–1860 годах), на котором вырос Владивосток? Среди других псевдонимов были Гейне из Глуховки, Путник, Старик, Краб, Трепанг, Медуза... Мастерской-сирота стал заметным в городе журналистом и поэтом.

В 1900 году он опубликовал в журнале «Сибирское обозрение» статью «Японцы во Владивостоке и Приамурье». Тогда же, на переломе веков, стал владельцем типографии и одновременно – её трудовым коллективом. Выпустил путеводитель по Японии, учебник профессора Глуздовского по флоре и фауне Уссурийского края, «Справочную книгу Владивостока», рассказы Горького...

В 1902-м отправился в Японию в качестве корреспондента газеты «Дальний Восток». Проехал всю страну – от родного северного Хакодате до южного Нагасаки. Беседовал с крестившим его Николаем Японским.

В 1903 году в Петербурге вышел сборник Матвеева «Стихотворения, пародии, подражания». Год спустя в Москве, у знаменитого издателя Ивана Сытина – «Уссурийские рассказы». Матвеев не был первым, кто писал о Дальнем Востоке, да и самым ярким, прямо скажем, тоже не был. Но первым коренным дальневосточником, изданным и замеченным в Москве, стал именно он. Названия его рассказов говорят сами за себя: «Бродяжка», «Крестьянка», «Под звуки “Дубинушки” (странички из матросской жизни)», «Из жизни бывших сахалинцев», «Пантач», «Экипажная ёлка»...

Когда началась Русско-японская война, а с ней шпиономания – в каждом японце видели лазутчика, – Матвеева, как пишут востоковед, кандидат исторических наук Зоя Моргун и японский русист Синъити Хияма, прозвали «продажным типом» за дружелюбные высказывания в отношении японцев и японской культуры.

Но это были ещё цветочки.

В доме Матвеева на улице Абрекской² бывали интересные, неоднозначные и даже опасные люди. Как, например, Бронислав Пилсудский – каторжанин, брат будущего польского лидера Юзефа Пилсудского, проходивший с Александром Ульяновым по одному делу о покушении на Александра III и ставший на Сахалине крупным учёным-этнографом. Или как другой народоволец и несостоявшийся цареубийца, впоследствии духовный писатель Иван Ювачёв (Миролюбов) – будущий отец Даниила Хармса. Судимая на том же, что и Ювачёв, «процессе 14-ти» Людмила Волкенштейн, которая 10 января 1906 года, в годовщину Кровавого воскресенья, погибнет на привокзальной площади Владивостока, придя к штабу крепости требовать от коменданта Сурменева освобождения политзаключённых (включая доктора Ланковского, речь о котором зайдёт ниже) и попав вместе с несколькими десятками других демонстрантов под убийственный пулемётный огонь; на другой день толпа ворвётся в штаб и растерзает Сурменева. Политический ссыльный Лев Штернберг – выдающийся этнограф, наставник Владимира Арсеньева. Гилярий Госткевич – польский дворянин, марксист, ссыльнокаторжный... Уже из этого перечня примерно понятны политические и человеческие симпатии Матвеева. Это был не дом, а клуб – литературный и революционный.

В 1905 году в Японии, куда Матвеев выехал, по официальной версии, для лечения дочери Зои, но почему-то в сопровождении упомянутого Пилсудского, он сошёлся с русскими эмигрантами-народниками, выпускавшими газету «Воля». Годом позже при их содействии³ Матвеев основал первый владивостокский научно-популярный журнал «Природа и люди Дальнего Востока». Задачи нового издания он обозначал так: «Всестороннее ознакомление русского общества с природой, людьми и их жизнью на Дальнем Востоке. Руководящая идея – сближение всех живущих здесь как равных друг другу народов, устранение всего того, что порождает взаимное недоверие, вражду и угрожает в будущем новыми потоками крови». Тут же прямо говорилось, что «в вопросах русской жизни журнал будет примыкать к наиболее радикальным элементам общества». Уже то, что первый номер этого де-юре неполитического издания в январе 1906 года открылся некрологом той самой Волкенштейн, свидетельствует о многом. Матвеев говорил, что события 1905–1906 годов потомки будут вспоминать «со смешанными чувствами содрогания и удивления». Писал: «Нельзя указать другого года, когда бы русская земля наливалась так обильно кровью русских граждан и в одно и то же время так же обильно лилась она за пределами земли русской». Ещё: «Тяжелы, болезненны роды русской свободы, но рождение её обеспечено. Пускай на короткое время, пока поднимется грозный девятый вал, восторжествует реакция: чем хуже, тем лучше. Яркое, светлое, блестящее солнце свободы скоро поднимется над страдающей русской землёй. Не верить в это – значит не верить в будущее русского народа...»

За полгода вышло двадцать семь номеров, после чего Матвеева арестовали по обвинению в социал-демократической пропаганде, а журнал закрыли. Вроде бы дело состояло в том, что полученные им из Японии – от тех самых друзей из «Воли» – наборные формы для журнала были завернуты в нечто нелегальное...

Отсидел Матвеев около полутора лет. Ещё за решёткой был выдвинут в гласные, то есть депутаты городской думы, – и вскоре стал таковым; характерный штрих к описанию нравов тех лет. Вспоминается кстати, как полувеком раньше генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьёв-Амурский привечал декабристов, а ссыльный революционер Петрашевский, по свидетельству военного географа Венюкова, «был даже одно время чем-то вроде хозяйки дома Муравьёва, за отсутствием уехавшей в Париж жены».

² Целый букет улиц и других объектов во Владивостоке и окрестностях получили лихие имена клиперов: «Разбойник», «Джигит», «Абрек», «Гайдамак», «Наездник», «Пластун».

³ Среди содействователей называется, в частности, имя *Николая Константиновича Судзиловского* (1850–1930), он же *Николаас Руссель*; учёный, народник, революционер, один из зачинателей румынского социализма; в 1901 году был избран первым президентом Сената Гавайев.

Что касается жены самого Матвеева, то её звали Марией Даниловной Поповой. Замуж Николай Петрович взял её совсем юной – пятнадцати не то шестнадцати лет. Её отец был одним из первых переселенцев в Приморье, искусным охотником и тигроловом. Для воспитания характера, как пишет один из внуков Матвеева-Амурского, летописец рода Валерий Евтушенко, Данила Попов стрелял в яблоко, которое клал на голову одиннадцатилетней Маше. Характер воспитался: в 1906 году она с детьми буквально штурмом взяла тюрьму, сбив с ног часового, и, прорвавшись к начальнику, угрожала ударить его чернильницей. Тот пошёл гневной гостью навстречу и разрешил свидание с мужем. Мария Даниловна любила читать наизусть Лермонтова, прекрасно пела, разводила цветы. По воскресеньям готовила пирог с кетой и визигой, пельмени или сдобную домашнюю лапшу.

Выйдя на свободу, Матвеев в 1909 году по поручению градоначальника едет в Японию: изучает опыт городского управления, жилищно-коммунальное хозяйство, социальную сферу. Выходит, факт отсидки по политической статье тогда вовсе не был «волчьим билетом».

К этому времени Матвеев стал известным и уважаемым в городе человеком. Руководил публичной библиотекой, несколько раз избирался гласным Думы, входил в комитет защиты бедных, попечительский совет женской гимназии имени цесаревича Алексея, представлял город в попечительском совете Владивостокского коммерческого училища, учреждал детсады, возглавлял финансовый отдел городской управы, служил секретарём Общества изучения Амурского края – и так далее, и так далее, и так далее. Когда Владивосток готовился отметить 50-летие, именно Матвеев возглавил юбилейную комиссию. В 1910 году он написал и отпечатал в своей типографии «Краткий исторический очерк г. Владивостока» – первую хронику города, первый труд по его истории. Это не парадная, «датская» книга – она публицистична, трезва, часто скептически и критична: «Пьянство, картёж и сплетня – вот три кита, на которых держалось тогдашнее местное даже высшее общество». Матвеев касается таких тем, как «маньчжурская война» (стычки между китайскими хунхузами и русскими войсками в 1868 году), участие России в подавлении Боксёрского восстания в Китае в 1900 году. Завершая свой труд, Матвеев пишет о Владивостоке: «Реальных оснований к улучшению его положения в недалёком будущем не видно. Есть какие-то туманные надежды на что-то... Но надобно надеяться, что здоровые силы жизни возьмут верх» (вот и сегодня – ровно так же: «надобно надеяться» – даже если не всегда получается).

В том же 1910 году Дума присвоила Матвееву звание почётного гражданина Владивостока – несмотря опять-таки на всю политику.

Когда случился Февраль, Матвеева избрали в первый Владивостокский Совет рабочих и военных депутатов и одновременно в параллельный орган власти – Комитет общественной безопасности. В марте в «Известиях Совета рабочих и военных депутатов» вышли его стихи:

Братья! Воздвигнем возвышенный храм
Силам, к Свободе зовущим.
Вечная память погибшим бойцам,
Вечная слава живущим...

После прихода к власти большевиков Матвеева избрали в Приморский закупочно-сбытовой комитет – Закупсбыт, посылали в командировки в Китай, Корею, Японию. Принципиальных противоречий с новой властью, судя по всему, у него не было. В ходе японской командировки местная полиция держала его под контролем. В полицейском отчёте префектуры Фукуи сообщалось: «Матвеев давно является социалистом, во времена Российской империи он через газеты пропагандировал идеи, за что несколько раз попадал в тюрьму. Поэтому за ним следует вести надзор».

В мае 1918 года Матвеев с сыном Венедиктом попытался возродить журнал «Природа и люди Дальнего Востока», но сумел выпустить всего два номера. В это же время он организовал «Издательство Матвеевых», где в основном печатал стихи своих детей, прежде всего Венедикта, который позже станет известен под псевдонимом Март.

Принято считать, что покинувшие Россию в смутные годы Гражданской войны бежали от большевиков. В случае с Матвеевым всё обстоит иначе.

Советы в Приморье пали уже в июне 1918 года, в ходе белочешского мятежа, и были восстановлены лишь в конце 1922-го.

Матвеев покинул Россию в 1919 году – выходит, если и бежал, то не от Советов, а от колчаковских властей. Валерий Евтушенко указывает: «В годы Гражданской войны дом на Абрекской... попал под наблюдение тайной полиции. Над Н.П. Матвеевым готовилась расправа. В июне 1919 года, когда в городе свирепствовали колчаковцы, Николай Петрович... уехал в Японию». Моргун и Хияма приводят объяснение самого Матвеева: «После Октябрьской революции на политическую арену во Владивостоке выдвинулся... Суханов... Я помогал ему в составлении планов деятельности, будучи в дружеских отношениях с семьёй Сухановых с давнего времени. Но... во время мятежа белочехов Суханов был схвачен, брошен в тюрьму, расстрелян». Получается, Матвеев не просто симпатизировал Константину Суханову как давнему знакомому, но и помогал ему как главе Владивостокского совета. Самого Матвеева, однако, не тронули ни белые, ни интервенты – он более или менее спокойно жил во Владивостоке ещё целый год после падения сухановского Совета.

Среди многочисленных детей Матвеева белых не было (по крайней мере, данных об этом нет), красные – были точно. В общем, на врага советской власти он никак не тянет, даром что в своё время баллотировался в городскую думу от кадетов. Матвеев был деятелем скорее общественным, чем политическим. Или же у него вообще не было чётких политических взглядов, что не удивительно в условиях революционного хаоса, а бежал он просто от смуты?

Возможно, думал уехать на время – получилось навсегда. Отношения Москвы и Токио, и без того натянутые, начали стремительно портиться. В 1931 году Япония захватила Маньчжурию – северо-восток Китая, выйдя на рубежи СССР и создав здесь марионеточное государство Маньчжоу-Го. Ожидалось, что новая большая война разгорится именно здесь, а не на западе. В сторону Забайкалья, Амура, Приморья шли воинские эшелоны, на Дальнем Востоке укреплялась граница, спешно восстанавливался Тихоокеанский флот, расконсервировалась Владивостокская крепость, демилитаризованная по заключённому с японскими интервентами в 1922 году соглашению.

Матвеев, оказавшийся жителем враждебного государства, в Россию не вернулся.

Когда-то в стихах памяти Чехова он писал:

...И свершилось. С тоскою
Оглянулись мы назад:
Беспощадною судьбою
Срублен весь вишнёвый сад...

Уезжал Матвеев с женой и младшими сыновьями – Глебом, Анатолием и Михаилом. Жил в городах Цуруга, Осака, в деревне Сэйдо, потом обосновался в Кобе.

Масштабы русской эмиграции первой волны в Японию, разумеется, несопоставимы с исходом в Европу или даже в Китай. По данным Моргуна и Хиямы, численность русских в Японии в 1925 году составляла 1176 человек, в 1940-м – около 1300. И всё-таки, как справедливо пишет профессор, историк Пётр Подалко, такое число иностранцев в столь сжатый срок не попадало в Японию за всю её историю.

Некоторые эмигранты добились здесь успеха: так, в Японии на ура пошли европейские сладости. Макар Гончаров из Владивостока стал одним из отцов японского шоколада. Заметной оказалась и «культурная интервенция» в стремительно вестернизовавшуюся Японию.

Матвеев, который не был в Японии совсем уж «гайдзином» – чужаком, тоже не потерялся. Организовал издательство «Мир», в котором вышли хрестоматия для чтения, японско-русский словарь, стихи Пушкина. Выпускал на русском и английском журнал «Русский Дальний Восток». Решив, что издательским делом не проживёшь, занялся книготорговлей – заказывал из-за рубежа и продавал соотечественникам русские книги. «Не было русского человека в Японии, который бы не побывал у Матвеева», – констатируют Моргун и Хияма. Вокруг него образовался кружок русских интеллигентов: профессор Осацкого института иностранных языков Николай Невский, преподаватель коммерческой школы в Цуруге Борис Вобруй, бывший служащий Дальгосторга и студент-востоковед Андрей Рейферт, преподаватель школы иностранных языков Тэнри Орест Плетнер...

Матвеев заведовал русской библиотекой, писал детские книжки под псевдонимом Дед Ник, печатался в русских изданиях Харбина и Шанхая. Переводил японских поэтов, сочинял свои стихи:

А я один, для всех чужой,
Бреду извилистой тропой,
И, как железная доска,
Неутолимая тоска
Волнует грудь, терзает ум...

Умер он в феврале 1941 года в Кобе, похоронен там же. Первое кладбище иностранцев располагалось в районе Онохама, в 1961 году открылось новое – в горной местности Сюхогахара, куда перенесли и прах Матвеева. Русских могил здесь около ста восьмидесяти: купец Тарасенко, химик Веймарн, лингвист Плетнер, музыкант Михайлович, дипломат Васкевич...

Второй – после генерал-губернатора, дипломата Муравьёва – Николай Амурский в каком-то смысле продолжил дело первого. Тот присоединял дальневосточные края к России – этот прописывал их в русской словесности и русском сознании. Первый русский японец, первый летописец Владивостока, основатель целого литературного клана; сын несвятых Петра и Февронии, крещённый будущим святым.

Двухэтажный кирпичный дом по улице Абрекской, 9, некогда принадлежавший Николаю Матвееву (семья занимала верхний этаж, в нижнем селились квартиранты), стоял на краю распада в Матросской слободке Владивостока до середины 1960-х, пока не пошёл под снос.

Дети Матвеева

У Николая Петровича и Марии Даниловны Матвеевых было пятнадцать детей – двенадцать сыновей, три дочери. Трое умерли малолетними. Выросшие унаследовали от отца страсть к сочинительству и авантюренность характера.

Старший – Зотик Матвеев (1889–1938), библиограф, историк, доцент Государственного Дальневосточного университета. Поступил в Петербургский политехнический на экономическое отделение, в 1911 году был арестован на студенческой демонстрации, посвящённой годовщине смерти Толстого, и отчислен из института. Вернулся во Владивосток, служил бомбардиром в крепостной артиллерии. Поступил в Восточный институт. В 1917 году, по свидетельству брата Николая, был меньшевиком, военным цензором, гласным городской думы. Публиковал рецензии, библиографические заметки. Переписывался с выдающимся просветителем, библиографом Николаем Рубакиным. В 1922 году окончил историко-филологическое отделение Государственного Дальневосточного университета и остался в нём преподавателем. Заведовал библиотекой, читал публичные лекции. Редактировал «Записки Приамурского отделения Русского географического общества», работал над «Дальневосточной энциклопедией» вместе с учёным, путешественником, писателем Владимиром Арсеньевым⁴. Готовил «Материалы по экономике Приморья», в 1925 году выпустил библиографический указатель «Что читать о Дальне-Восточной области», получивший высокую оценку академика, будущего президента АН СССР Владимира Комарова. Видный библиограф Николай Здобнов привлёк Зотика Матвеева к участию в «Сибирской энциклопедии». В 1929 году Зотик Николаевич издал книгу «Бохай» о древней истории Приморья и краткую «Историю Дальневосточного края». В 1931 году познакомился с Михаилом Пришвиным, путешествовавшим по Приморью. Когда в 1932 году открылся Дальневосточный филиал Академии наук СССР, Зотик Матвеев стал первым директором ведомственной библиотеки. В 1935 году в альманахе «На рубеже»⁵ вышли обзоры Зотика Матвеева «Дальневосточный край в художественной литературе» и «О литературе и искусстве Японии». Пользовался псевдонимами Зенем, З. М.

В ноябре 1937 года Зотика Матвеева арестовали вместе с Петром Евтушенко – мужем его сестры Татьяны, бывшим участником большевистского подполья. Обвинённый в работе на японскую разведку, участии во вредительской и троцкистской организациях, действовавших в университете, Зотик вскоре умер в тюрьме от тифа или, по другой версии, был расстрелян. Сестра Зоя пыталась защитить брата, но сама попала в лагерь, где её след потерялся. Дочь Татьяну Зотиковну после ареста отца исключили из университета, где она училась на японском отделении (тяга к письму и интерес к Японии – общее едва ли не у всех Матвеевых). Вдова Анастасия Петровна попала под арест, работала на соляных копях в Соликамске, потом жила на поселении в Сарапуле. «Всё опустело. Теперь уже мне не для кого жить. Все, кого я любила, умерли. Я одна осталась, как сухое дерево с обугленными, мёртвыми сучьями, которое ещё стоит и... ждёт своей неизбежной гибели», – записала Татьяна Зотиковна после смерти матери в Сарапуле в 1944 году. Позже вернулась во Владивосток, работала в библиотеках, умерла в 1994 году.

Следующий брат – литератор, географ Николай Матвеев-Бодрый (1890/91–1979). По легенде, однажды он выступал со стихами или лекцией на борту корабля «Бодрый», откуда и появился псевдоним. В 1916-м арестовывался за политику, несколько месяцев отсидел. В

⁴ Выразительная деталь: когда в 1930 году Арсеньев умер, Зотик Матвеев не смог купить цветов – все разобрали; пришлось идти на прощание с букетом экзотических цветов из дома.

⁵ Альманах издавался в Хабаровске, редактором его некоторое время был Александр Фадеев, в те годы дважды пытавшийся вернуться на родной Дальний Восток.

том же году познакомился с Владимиром Короленко. Участник Февральской революции, эсер, встречался со стоявшей у истоков партии социалистов-революционеров Екатериной Брешко-Брешковской – «бабушкой русской революции». В 1918 году сделал в дневнике запись о «самодержавии большевиков», назвав Ленина и Троцкого узурпаторами. На Гражданской по мобилизации попал в армию Колчака, бежал в Шанхай, сотрудничал с газетой «Шанхайская жизнь». В 1920 году, когда Владивосток на несколько месяцев заняли красные партизаны Лазо, вернулся, вёл пропаганду в воинских частях. После очередного белого переворота ушёл в тайгу, где перенёс брюшной тиф. Перебрался в Харбин, возглавил культпросвет на КВЖД – Китайско-Восточной железной дороге, печатался в просоветской газете «Россия», читал лекции. Попал в Читу – столицу Дальневосточной республики, «красного буфера», формально – демократического государства, созданного в начале 1920 года по инициативе Ленина, чтобы избежать войны на два фронта – против белых на западе и против японцев на востоке. Здесь Матвеев-Бодрый возглавил культотдел Дальбюро ВЦСПС, руководил рабочим клубом «Красный Октябрь». Позже работал по культурной линии в Хабаровске, возглавлял городское литобъединение. Организовал первый на Дальнем Востоке устный журнал «Рычаг». Редактировал журнал «Факел творчества». В 1925 году вступил в партию. Часто менял прописку и работу, в 1930-х перебрался в Подмосковье. Состоял во Всесоюзном географическом обществе, изучал историю Дальнего Востока и своего рода. Помимо основного, имел псевдонимы Иголочка, Мирской, Огонёк. На Великой Отечественной записался в ополчение, позже служил политруком в прифронтовом госпитале. Считался искренним правозверным коммунистом. «Его зрение было приспособлено видеть лишь Идеал Коммуны... Его глаза не были так устроены, чтобы в обожаемой Коммуне... начать замечать неладное. “Беззаветная преданность”, “беззаветное служение” – вот понятия, смолоду прижившиеся в его словаре и звучавшие в его устах кристальной искренностью и честностью», – вспоминала дочь Бодрого, о которой ещё будет сказано. Тем не менее и в его жизни едва не случилось непоправимое – беды удалось избежать, судя по словам дочери, лишь благодаря хлопотам жены и заступничеству наркома Литвинова. Вся жизнь много писал – о кооперации и обо всём подряд, по-матвеевски: от стихов (сборник «Алая новь» вышел в Чите в 1923 году) до очерков об адмирале Макарове, прозаике Николае Островском, поэте-партизане Косте Рослом, китайском революционере и «отце нации» Сунь Ятсене, с которым однажды встречался. В архиве Николая Матвеева-Бодрого, хранящемся в Хабаровске в Гродековском музее, – труднопредставимое количество тетрадей и папок. Среди его произведений – мемуарная повесть о владивостокской жизни Матвеевых под странным названием «Скрипка (Агибалов)». Известно, что Гавриил Агибалов, загадочная личность, был другом Матвеевых. Одни считали его бывшим каторжанином, другие – беглым крестьянином. Сам старик о себе не рассказывал и ни разу не играл на своей старинной скрипке. Однажды он разбил её вместе с иконой Божьей Матери и исчез. Вскоре стало известно, что Агибалова убили в кабацкой драке...

О Петре Николаевиче Матвееве, математике и философе, известном как Нон Эсма, будет рассказано несколько позже.

Самым известным из детей Матвеева-Амурского стал поэт-футурист Венедикт Матвеев (1896–1937), печатавшийся под псевдонимом Март, – страсть к громким именам, похоже, досталась детям от отца вместе с тягой к писательству. Крёстным отцом Венедикта был Иван Ювачёв. Первый сборник стихотворений «Порывы» Март выпустил в 1914 году во Владивостоке. Был он человеком сколь неординарным, столь и неуравновешенным. Родственники рассказывали, как в годы Первой мировой он попал в армию и разозлился на унтер-офицера, который жестоко обращался с солдатами на строевой подготовке и вроде бы даже ударил Венедикта. На занятиях по штыковому бою поэт по команде «Коли!» воткнул штык прямо в ненавистного унтера. Венедикту грозил суд, но ему будто бы посоветовали прикинуться умалишённым. Укусив фельдфебеля за ногу, Венедикт изобразил сумасшедшего и был отправлен на лечение.

...Петроград, тиф. Венедикта выхаживает фельдшерица, дочь раввина Сима Лесохина. Поправившись, он бросил её и уехал во Владивосток, однако девушка нашла его адрес и приехала на Абрекскую – уже беременной. Первый ребёнок, Эдгар, не прожил долго; второго сына Венедикт и Сима назвали Зангвильдом.

В 1918 году Март написал стихи памяти первого председателя Владивостокского совета Суханова, что косвенно говорит о его пробольшевистских взглядах. В других стихах он призывал «выколоть глаза дракону капитала и в прах истлеть гниющего уroda»...

В начале 1920-х Март оказывается в Харбине – колоритном русско-китайском городе, столице КВЖД. Из объявления в харбинской «Вечерней газете» за 1921 год: «Русский поэт, журналист ищет работы (всё равно какой). Могу заниматься с детьми, работать при библиотеке, секретарствовать, знаю газетное дело... Могу продать авторское право на свои издания. Могу составлять доклады, руководить литературными начинаниями. Согласен быть чернорабочим, дворником, сторожем и пр. Работы никакой не боюсь. Адрес: Харбин, Нахаловка, Королевская ул., № 8. В.Н. Матвеев-Март».

В 1923 году поэт вернулся на родину, жил под Москвой и в Ленинграде. Сошёлся с Хармсом (с ним были знакомы как минимум пятеро из братьев Матвеевых). Не исключено, что рассказ Хармса «Грязная личность», где фигурирует Владивосток («Сенька стукнул Фёдку по морде и спрятался под комод. Фёдка достал кочергой Сеньку из-под комода и оторвал ему правое ухо. Сенька вывернулся из рук Фёдки и с оторванным ухом в руках побежал к соседям. Но Фёдка догнал Сеньку и двинул его сахарницей по голове. Сенька упал и, кажется, умер. Тогда Фёдка уложил вещи в чемодан и уехал во Владивосток...»), посвящён именно Марту. Он также стал прототипом безумного поэта Сентября в романе Константина Вагинова «Козлиная песнь». Сборники Марта выходили во Владивостоке, Хабаровске, Харбине, Ленинграде: «Изумрудные черви», «Тигровьи чары», «Русь – кровь моя!», «Истории моей смерти»...

С Николаем Костарёвым-Тумановым (1893–1941), бывшим партизанским командиром (он знал писателя Фадеева ещё по сопкам и распадкам как «комиссара Бульгу»), Март (под общим псевдонимом Никэд Мат) написал и опубликовал в 1924–1926 годах в Ленинграде авантюрный роман в трёх частях «Жёлтый дьявол» – первую книгу о Гражданской войне на Дальнем Востоке, футуристический кинобоевик. Упор в романе сделан на экзотику и острою сюжетность, прямо в тексте книга самоиронично названа авторами «настоящей бульварной пинкертоновщиной». Как сформулировал историк Вадим Нестеров, это «настолько неповторимый треш первых годов социализма, что он уже перестаёт быть *pulp fiction* и становится свидетельством эпохи». Не скупясь на выдумку, авторы в целом достаточно строго следуют исторической канве. Ими описано сожжение в паровозной топке Лазо (в книге – Штерна), Луцкого (Буцкова) и Вс. Сибирцева (Ореста Сибирского). Мелькает в книге командир полка Метелица, который потом появится в «Разгроме» Фадеева (Метелица – реальная фамилия). В ученике коммерческого училища Сашке Петрове, декламирующем Маяковского, узнаётся сам Фадеев. Позже раненый «Сашка-комсомолец» лежит в штабном вагоне Снегуровского – тоже реальная история, отсылающая к ранению Фадеева японской пулей в апреле 1920 года в Спасске-Дальнем. Снегуровский, в свою очередь, – это сам Костарёв-Туманов. Он впоследствии работал в Китае вместе с видным советским военачальником Василием Блюхером, который тогда был главным военным советником СССР в Китае, помогая партии Гоминьдан и её лидеру Чан Кайши объединить раздробленную страну военным путём. Литературовед Игорь Волгин предполагал, что Костарёв мог быть прототипом Алоизия Могарыча в «Мастере и Маргарите» Булгакова (по другой версии, впрочем, Могарыч – это драматург Сергей Ермолинский). Известно, что Костарёва вселили в квартиру писательского дома в Нащокинском переулке, где жили родные отправленного в ссылку Осипа Манделштама (Могарыч, напомним, написал донос на Мастера, чтобы занять его подвал). Эта история рассказана в мемуарах вдовы поэта Надежды Манделштам, причём фамилию своего недруга она пишет «Костырев» и отзывается о нём

резко негативно: «Его вселил к нам в квартиру Ставский⁶, дав гарантию, что он уедет, когда понадобится вторая комната, то есть по возвращении Мандельштама. Я получила временную прописку (на один или два месяца) в проходной комнате у моей матери, а он, шествуя в свою, произносил: “В Биробиджан этих стерв”. В конце концов он выбросил меня на улицу, не дав дожить срока». В июне 1941-го Костарёва арестовали и приговорили к 10 годам по 58-й статье, в следующем году он умер в Омске в тюремной больнице; посмертно реабилитирован.

Вернёмся к Марту. Он много писал, переводил японскую и китайскую поэзию (в том числе произведения японской поэтессы Акико Ёсано, с которой в Киото дружила его сестра Зоя). Пристрастился к алкоголю и наркотикам – по его же словам, «чуть было вовсе не искурился». Как писал литературовед Евгений Витковский, «его пьянки поражали воображение всё выдавшей Москвы». Из воспоминаний сына Венедикта – поэта Ивана Елагина, того самого Зангвильда: «Отец и его друг поэт Лев Аренс⁷ устроили на даче в Томилино выпивку на сосне. Довольно высоко они привязались ремнями, а перед собой, ремнями же, укрепили ящик с водкой».

В 1928-м Март попал на два или три года в саратовскую ссылку за драку. Из поэмы Ивана Елагина «Память»:

...Мой отец, году в двадцать восьмом,
В ресторане учинил разгром,
И поскольку был в расцвете сил —
В драке гэпэушника избил.
Гэпэушник этот, как назло,
Окажись влиятельным зело,
И в таких делах имел он вес —
Так бесшумно мой отец исчез,
Что его следов не отыскать.
Тут сошла с ума от горя мать,
И она уже недели две
Бродит, обезумев, по Москве...

Ситуацию усугубило пришедшее на имя Симы письмо, написанное женским почерком: «Ваш муж убит». Несчастливая женщина действительно повредила в уме; она умрёт во время блокады Ленинграда.

Сам Март писал художнику Петру Митуричу⁸, что угодил в ссылку за то, что, «находясь в неменяемом состоянии, выразился о ком-то неудобным с точки зрения расовой политики образом». В письме маленькому сыну формулировал так: «Почему меня выслали, ты спрашиваешь? Я сам не знаю толком до сих пор – почему. Говорят, что папка поскандалил в присутствии таких дядей из ГПУ, при которых лучше не скандалить».

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в Москве и Ленинграде выходили отдельные публикации и книги Марта: «Логово рыжих дьяволов», «За голубым трепангом», «Речные люди», «Рассказы о Востоке». Позже поэт жил в Киеве с женой Клавдией. Согласно справке из архива, был арестован в июне 1937-го, обвинён в шпионаже в пользу Японии, расстрелян в октябре того же года. При аресте была конфискована и уничтожена рукопись романа «Война и война».

⁶ Владимир Петрович Ставский (1900–1943), советский писатель, литературный функционер; именно он написал на имя главы НКВД Ежова донос, сыгравший в судьбе Мандельштама роковую роль.

⁷ Лев Аренс (1890–1967), военмор Первой мировой, биолог, автор трудов о пчёлах.

⁸ Пётр Васильевич Митурич (1887–1956), друг Марта. Был женат на сестре поэта Хлебникова, своему сыну дал имя Май; преподавал во ВХУТЕМАСе. Известны принадлежащие его кисти портреты А.С. Лурье, О.Э. Мандельштама. Автор работы «Движитель в форме рыбьего корпуса для судов, глиссеров, самолётов и дирижаблей...».

Когда-то старший Матвеев в стихотворении «Ребёнку» писал:

...Ты не знаешь, что великих
В мире казнь лихая ждёт,
Их осудит свора диких
И на жертвенник сведёт...

Марта реабилитировали лишь в 1989 году – и то не лично, а на основании горбачёвского указа «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий...», согласно которому все внесудебные решения, вынесенные «тройками» и «особыми совещаниями», отменялись (за исключением приговоров, вынесенных в отношении нацистских преступников, бандеровцев, пособников фашистов в период Великой Отечественной войны).

Гавриил Матвеев (1898–1922/4), подобно братьям, тоже писал стихи – мрачные, в основном о преисподней и смерти, под псевдонимами Эльф и Фаин:

Ночью мне предстал
Круг самоубийц...

Или:

А за мёртвым идут силуэты,
Эти скорбные тени гробов...

Окончив мореходное училище, стал штурманом. На Гражданской был мобилизован белыми и направлен в артиллерийский дивизион на остров Русский, но дезертировал. Позже жил в Иркутске. Сообщалось, что он будто бы умер от тифа в Гражданскую войну. Валерий Евтушенко утверждает, что Гавриила арестовало ГПУ, причём «лишь за то, что его отец... жил в Японии», но тогда бы, наверное, арестовали и остальных братьев. Поэт Арсений Несмелов⁹ говорил, что Фаин, наркоман и клептоман, был, по слухам, расстрелян за участие в грабеже. Причём «фаин», согласно Несмелову, – это «китайское слово, обозначающее особое состояние после курения опиума». Матвеев-Бодрый писал, что «Ганя» умер на тюремной больничной койке в Иркутске, а за решётку попал на пять лет за кражу боа и дроби. Бодрый добавлял, что брата сгубила наркомания, причём «толкнул его на этот путь брат Венедикт». Короче говоря, как пишет Евтушенко, «следы Гавриила Эльфа затерялись в безбрежных снегах необъятной Сибири». Всё, что от него осталось, – стихи:

...А после в листве осины
висел Иуда, и осы
жалили труп синий
безжалостно, злобно —
цинично жужжали,
жужжали:
жаль его,
жаль,

⁹ Настоящее имя *Арсений Иванович Митропольский* (1889–1945); участник Первой мировой войны, бывший белый офицер, в 1920–1924 годах жил во Владивостоке, потом в Харбине, где в 1945-м был арестован контрразведкой СМЕРШ за работу на Японскую военную миссию и членство во Всероссийской фашистской партии; в том же году умер в пересыльной тюрьме от инсульта.

жаль!

Георгий Матвеев (1901–1999) учился в прогимназии Марии Сибирцевой – тётки писателя Фадеева. Четырнадцатилетним попал в Японию, работал корректором русской версии журнала «Голос Японии», выходившего в Кобе. В годы Гражданской партизанил на Сучане, потом морячил – служил сигнальщиком. Помещал партизанские записки в приморской партийной газете «Красное знамя». Приятельствовал с Павлом Васильевым, который впервые опубликовал стихи во владивостокской комсомольской газете «Красный молодняк» в 1926 году (позже в Москве Васильев познакомит Георгия с поэтом Иосифом Уткиным – к слову, уроженцем одной из станций КВЖД, а брат Венедикт представит Георгия Есенину и Мариенгофу; было знакомство и с Клюевым). Жил в Петрограде, дружил с Хармсом, входил в созданный поэтом Александром Туфановым «Орден заумников DSO». Работал в культпросвете, организовывал бригады селькоров. Добровольцем пошёл на Великую Отечественную, участвовал в боях под Москвой, в штурме Вереи и Вязьмы, в Курской битве. Был ранен, получил инвалидность, стал военкором дивизионной газеты «За Родину». После войны печатал морские рассказы, стихи, «Записки ополченца», повесть «С пером и винтовкой». Жил под Москвой, в Новоподрезкове.

О Владивостоке:

Белеют волны, словно в инее,
И чайки мечутся тоскливо.
И смотрят сопки тёмно-синие
В простор Амурского залива.
То сильный ветер слабым сменится,
То вновь окрепнет, своенравный.
А где у рифа волны пенятся,
Там утонул баркас недавно.
Сегодня славно крабы ловятся,
От рыбы сеть трещит и рвётся.
Но грустно на земле становится —
Рыбак на землю не вернётся.

О войне:

Меня расстреляли фашисты,
Прострелены грудь и нога.
И ветер блудил неистовый,
Шумела седая пурга.
Зарыт я в морозное утро,
В холодной земле я лежал...
Но как-то в закат перламутровый
Я ожил и на ноги встал...

Сын Георгия Борис Матвеев тоже сочинял всю жизнь, но публиковаться стал только в перестройку, в возрасте за пятьдесят: психологический детектив «Продавец скандалов и славы», сатирические рассказы «Общество спасения человечества».

Татьяна Николаевна Матвеева родилась в 1903 году, в детстве бывала в Японии. Вышла замуж за подпольщика Петра Евтушенко, которого арестовывали то японцы, то каппелевцы.

Из стихов Татьяны Матвеевой 1923 года:

...Я умру среди них без привета,
Без ласкающих солнца лучей —
Я обломок какой-то планеты
Среди чёрных угарных ночей.

Когда летом 1937 года Владивосток посетила Азиатская эскадра ВМС США, Татьяна на ряде мероприятий была переводчицей – английский она знала блестяще. В том же году в третий и последний раз арестовали её мужа. Татьяне пришлось покинуть Владивосток, она переехала в Сарапул, где работала учительницей английского, писала мемуары, стихи, новеллы. Умерла в 1963 году. Её сын Валерий Евтушенко написал книгу об истории рода Матвеевых «Древо плодоносящее», вышедшую во Владивостоке в 2004 году.

Глеб Матвеев восемнадцатилетним умер в Японии (ещё в детстве он получил травму, был горбат, страдал костным туберкулёзом).

Анатолий Матвеев, его брат-близнец, перебрался из Японии в Гватемалу. По другим данным – вёл книжную торговлю в Венесуэле.

Михаил Матвеев, также уехавший вместе с отцом в Японию, в 1948 году вернулся в СССР. В уральском Кизеле работал на шахте. Затем жил в Казахстане, преподавал английский язык и восточные единоборства. Умер в Чимкенте в 1970-х.

Мария Николаевна Матвеева какое-то время была замужем за партизанским поэтом, приятелем Фадеева Костей Рослым, который в 1926 году погиб в Беринговом море, не дописав романа «Маузер». Потом оказалась в Японии, где вышла замуж за торговца Кривушина. С ним перебралась в Сан-Франциско, куда взяла с собой и мать – вдову Матвеева-Амурского Марию Попову, умершую в США в 1950-х.

Иван-да-Новелла

Перечислить всех внуков Матвеева-Амурского невозможно, но двоих обойти вниманием никак нельзя.

Поэт Иван Елагин, сын Венедикта Марта, родился в 1918 году в том самом доме на Абрекской. Настоящее его имя было Уотт-Зангвильд-Иоанн¹⁰ Матвеев – сказалось отцовское «будетлянство». Едва ли поэт, младенцем увезённый из отчего дома, помнил Владивосток, но о родном городе он писал, и очень трогательно:

Не надо их. Оставь. Они жестоки.
В иные дни перо переноси.
Переночуем во Владивостоке,
В одном из дивных тупиков Руси.
Представим так:
Абрекская. Пригорок.
Смегает ветр осеннюю труху.
Ах, почему так мил мне и так дорог
Домишко, выстроенный наверху?

«Домишком» строение по Абрекской можно было назвать лишь с большой натяжкой. Это было просторное двухэтажное каменное здание с пристройкой, на фоне соседних домиков смотревшееся, можно сказать, роскошно.

Когда отец угодил в ссылку, а мать – в сумасшедший дом, ребёнок стал беспризорником. Спас его счастливый случай: мальчика узнал писатель Фёдор Панфёров и занялся его судьбой.

...Да, на счастье, он узнал меня.
Тут со мною началась возня.
Справку удалось ему навесьть,
Что отцу досталось – минус шесть,
Что отец в Саратове, – и он
Посадил тогда меня в вагон
И в Саратов отрядил к отцу...

Ещё в ссылный период Венедикт Март, насколько мог, занимался сыном, волновался о его судьбе, в том числе литературной, называл его своим секретарём. Печататься Зангвильд начал в Киеве¹¹. Здесь же он окончил три курса мединститута, женился на поэтессе Ольге Анстей. Когда пришли фашисты, остался на оккупированной территории – не смог уехать, не захотел? Дальше в его жизнеописаниях – лагуна. В лучшем случае об этом периоде пишут так: «Был вынужден эмигрировать, чтобы спасти свою жизнь». Или: «В 1941 году его учёба была прервана войной, и он пошёл служить медиком в армию», «Киев оказался в прифронтовой полосе, Матвеев стал санитаром, помогал спасать жизни раненым бойцам»... При этом не сообщается даже, в какой армии он служил, если вообще служил, – в советской или гит-

¹⁰ Дочь Ивана Елагина Елена (Лиля) Матвеева, впрочем, настаивает на несколько ином варианте: «Уот – так в начале века в России писалось имя любимого дедом американского поэта, Уолта Уитмена. ...Зангвилл – а не “Зангвильд” – имя англоеврейского писателя XIX века, Израила Зангвилла (Israel Zangwill), романы которого любила моя бабушка, Сима Лесохина» (Иван Елагин у Бога на пиру // Крещатик. 2017. № 4).

¹¹ *Первая публикация* – перевод стихотворения Максима Рыльского «Концерт» – состоялась в газете «Советская Украина» в январе 1941 года.

леровской? Есть ощущение, что мемуаристы и родственники старательно обходят этот опасный сюжет. Не знают – или не хотят говорить? Литературовед Евгений Витковский писал, что Зангвильд при оккупации будто бы работал в роддоме – гуманнее места не придумать. Но, так или иначе, перед освобождением Киева он добровольно ушёл с немцами и беременной женой на Запад. Вероятно, боялся, что ему, мужчине призывного возраста, припомнят сотрудничество с нацистами, в чём бы оно ни выразилось.

В Германии работал в хозяйстве некоего бюргера. С завершением войны оказался среди «перемещённых лиц» – «ди пи», от *displaced person* – в американской зоне оккупации под Мюнхеном. Ещё в Киеве, когда пришли немцы, Зангвильд назвался Иваном, опасаясь, что его подлинное имя примут за еврейское. В Германии он взял фамилию Елагин. По одной из версий – специально: у «ди пи», опасавшихся, что союзники выдадут их Советам, это называлось «пустить дымовую завесу», они старались обзавестись фальшивыми документами. Не всем, но многим из них точно было что скрывать от правосудия.

...Когда-нибудь страшные русские были
Представят в музеях, как школы и стили.
Расплещут великую кровь по картинам,
А критики звать её будут кармином...

Считается, что на появление псевдонима Елагин повлияли петербургская топонимика и стихотворение Блока «На островах», где упомянут один из мостов, ведущих на Елагин остров:

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюблённый.
И хруст песка, и храп коня.

Однако и во Владивостоке (если точнее, то опять-таки на острове – Русском) есть мыс Елагина. Ещё один мыс с тем же именем находим на острове Аскольд у южного побережья Приморья. Третий мыс Елагина расположен дальше по побережью, между Рудной Пристанью и Пластуном. Все эти мысы названы в честь Ивана Фомича Елагина – капитана 1-го ранга, участника Второй Камчатской экспедиции Беринга и Чирикова, основателя Петропавловска-Камчатского (1740). Елагин же остров обязан своим именем Ивану Перфильевичу Елагину – обергофмейстеру Екатерины II, сенатору, масону, историку, поэту, директору Императорских театров. Оба принадлежали к одному дворянскому роду. Ещё одним известным представителем той же фамилии был убитый пугачёвцами Григорий Миронович Елагин – прототип капитана Миронова в пушкинской «Капитанской дочке».

В Германии Иван Елагин издал сборники стихов «По дороге оттуда» (1947) и «Ты, моё столетие!» (1948). В 1950 году уехал в США, хотя английского ещё не знал. Сначала мыл полы в ресторане, потом работал в эмигрантской газете «Новое русское слово». По словам дочери, «писал злые фельетоны на Сталина, Маленкова, Хрущёва».

С одной стороны:

...Родившемуся в Приморье,
Тебе на роду написано
Истинно русское горе —
Горькая русская истина!

С другой:

Мне не знакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона...

В 1960-х завершил обучение в Нью-Йоркском университете. За русский перевод поэмы Стивена Винсента Бене «Тело Джона Брауна», напечатать который помог Иосиф Бродский, Елагину присвоили докторскую степень. Он стал профессором Питтсбургского университета, вёл на «Голосе Америки» литературную передачу. Художник Сергей Голлербах (1923–2021) назвал Елагина «голосом нашего поколения, второй волны эмиграции». Последний составленный поэтом сборник «Тяжёлые звёзды» вышел в издательстве «Эрмитаж» в Нью-Йорке в 1986 году.

Вот она, чёрная быль,
Атома чёрная пыль.
Чёрный от взрыва тополь —
Смертью клубит Чернобыль!

Елагин умер в 1987 году в Питтсбурге.

Поэт Новелла Матвеева (родилась в 1934-м или, по новым данным, в 1930-м, ушла в 2016-м) – дочь Николая Матвеева-Бодрого и Надежды Матвеевой-Орленевой, тоже поэта. В поздних интервью Новелла Николаевна говорила: «Я ведь Матвеева-Бодрая по паспорту». Родилась в пушкинском отечестве – Царском Селе, именовавшемся тогда Детским Селом. Позже говорила: «Это было с моей стороны нескромно».

О, Владивосток, под тобою сокрыт
Мир корней с переборками тонкими.
И женьшень впотьмах среди них стоит,
И тебя подпирает ручонками...
Не смей женьшень на пучок репья.
Окупи его жертву – сторицею.
На Святой Руси назовут тебя
Пятым портом и Третьей столицей.

Театральный режиссёр, педагог Донат Мечик, отец Сергея Довлатова¹², вспоминал, как в 1955 году на его ленинградскую квартиру пришёл Бодрый и в разговоре несколько раз гордо повторил: «Нас много Матвеевых!» После чего вынул из портфеля рукопись и попросил почитать стихи дочери с необычным, очень литературным и очень матвеевским именем Новелла (брата её назвали Роальдом, сестру – Розалианой).

Первая публикация Новеллы Матвеевой датирована началом 1958 года – газета «Советская Чукотка», «Песня о Мандрикове». Михаил Мандриков зимой 1919/20 года устанавливал власть Советов на Чукотке, возглавлял первый Чукотский ревком, был расстрелян во время переворота. Для молодой поэтессы он не был вовсе посторонним человеком. Мандриков в революционные годы входил во Владивостокский совет рабочих и военных депутатов, который возглавлял упоминавшийся выше Суханов – знакомый Матвеева-старшего. Был вместе с Сухановым арестован белочехами, но сумел бежать. Мандрикова знал и Матвеев-Бодрый, работав-

¹² Дядя Довлатова, Михаил Мечик, учился вместе с Александром Фадеевым во Владивостокском коммерческом училище и публиковал стихи в журнале, который тот редактировал.

ший по его приглашению во Владивостоке в Союзе кооперативов. Вероятно, стихи Матвеевой о Мандрикове появились под влиянием отцовских рассказов.

Интересно, что в 1958 году судьбой Мандрикова заинтересовался Олег Куваев – будущий автор знаменитого романа «Территория» о поисках золота на Чукотке, а тогда молодой инженер-геофизик, выпускник Московского геологоразведочного института, только что приехавший работать в заполярный чукотский посёлок (ныне – самый северный город России) Певек. Куваев изучал литературу об освоении Севера в местной библиотеке и занёс в блокнот несколько строк о Мандрикове – не исключено, что как раз с подачи Матвеева-Бодрого, который в 1957 году выпустил в Магадане (Чукотка тогда входила в состав Магаданской области) книжку «Михаил Сергеевич Мандриков». Добавлю ещё, что Мандриков стал героем романов Юрия Рытхэу «Конец вечной мерзлоты» и Анатолия Вахова «Пурга в ночи».

Были и другие рассказы отца Матвеевой о Владивостоке, переплавившиеся в стихи:

...Он скажет мне, весело глянув.
– А кто это?
– Костя Суханов!
О Косте он мог толковать без конца!
Другой легендарный герой – для отца —
Сибирцев, у знамени древка
стоящий, – был попросту «Всевка»...

В 1959 году «Комсомолка» напечатала подборку Матвеевой – на целую полосу. В 1961-м вышел первый сборник «Лирика». Поэт состоялся. Матвееву наряду с Михаилом Анчаровым называют в числе основоположников жанра авторской песни, которая с появлением Окуджавы, Высоцкого, Галича, Визбора стала феноменом поистине всесоюзным. Эти песни вместе со стихами Вознесенского, Евтушенко, Рождественского и Ахмадулиной кажутся чем-то вроде советской версии мирового рок-движения.

Новелла Матвеева с гордостью говорила, что это она придумала слова «забронзоветь» и «шестидесятники» (публицист Станислав Рассадин, согласно Матвеевой, позаимствовал последний термин именно у неё).

Случайно ли у Новеллы Николаевны так часты морские и дальневосточные мотивы? Песни «Какой большой ветер напал на наш остров...» (её пел Высоцкий) и «Я мечтала о морях и кораллах...», стихи «Маяк», «Охотское море волною гремит...», «Кораблям в холодном море ломит кости белый пар...», «Старинные корабли»...

А потом напал такой ветер, какого раньше не было. В поздних стихах Новеллы Николаевны, из лирика превратившейся в публициста, успел отразиться раскол российского общества, вызванный украинским Майданом и началом долгой войны в Донбассе.

Она приветствовала присоединение Крыма к России:

Вернулся Крым в Россию!
Как будто б не к чужим?..

Написала рискованные стихи о Сталине:

Затвердили: «Сталин... Сталин...»
Хитрый сброд нечист и мелок:
Он под Сталина подставил
Много собственных проделок...

Прошлась по демократической интеллигенции:

А впрочем, радиоэлита
На стороне врага – открыто;
Всё меньше игр двойного спорта.
Скажите ж мне: с какой печали
Их «оппозицией» прозвали?
Не оппозиция, а КОНТРА!

Эти стихи в 2014 году раскритиковал представитель либерального крыла российской интеллигенции писатель Дмитрий Быков, всегда исключительно высоко оценивавший дар Новеллы Матвеевой. Впрочем, критика была настолько мягкой, что её можно рассматривать как комплимент: «Матвеева имеет право на любое мнение, поскольку своему этическому кодексу... не изменяет ни в чём... Человек, который открыл нам эти ярчайшие и чистейшие краски, донёс до нас эти мелодии, – вправе рассчитывать на нашу восторженную благодарность, каковы бы ни были наши земные расхождения».

Из второго поколения владивостокских Матвеевых наиболее значительный литератор – Венедикт Март, из третьего – Иван Елагин и Новелла Матвеева¹³. Писали все Матвеевы, но, как правило, на хорошем любительском уровне, порой переходя грань графомании. Это общий, можно сказать, математический закон природы: на одного гения и сотню талантов приходится тысячи средних, посредственных или даже никаких.

¹³ О кузене Новелла Матвеева говорила: «Никогда его не видела, он в Америке жил... Слышала, что он передавал для меня свои книги с дарственными надписями, но ни одна из них до меня не дошла».

Философ Нон Эсма

Пришло время вернуться к упомянутому выше Петру Матвееву и объяснить, почему из многочисленных сыновей Матвеева-Амурского именно он интересует меня более всего.

Дело в том, что центральный герой этого повествования – лётчик. Не столь знаменитый, как наш Чкалов или их Линдберг. Едва ли вы когда-нибудь о нём слышали. Фамилия его – Колесников, имя-отчество – Лев Петрович, годы жизни – 1923–1986.

Это сын Петра Николаевича Матвеева – самодеятельного философа по прозвищу Нон Эсма.

Мама Льва – Александра Филипповна Колесникова. Её отец Филипп Колесников работал телеграфистом на железной дороге в Калуге, мать Мария, в девичестве Голикова, была родом из Сызрани. Сама Александра родилась осенью 1901 года. Калугу не помнила – в канун Русско-японской отца перевели во Владивосток. Во время войны семьи железнодорожников эвакуировали в Барнаул. Александру поначалу звали Шуркой, но в Барнауле стали звать Саней, чтобы не путать с подружкой – Шуркой Кларк, тоже эвакуированной с Дальнего Востока. Ещё позже, снова во Владивостоке, она станет Асей: «В нашем городском дворе образовалось целое скопище тёзок. Шурки, Сашки, Саньки... Вот кому-то и стукнуло выделить меня – Ася. Неправильно это: Ася – Анастасия, а не Александра. Но имя прижилось, и я стала Асей на всю жизнь».

Возвращение во Владивосток; отец, лишившийся работы на КВЖД; попытка вести своё хозяйство в Кипарисово, неподалёку от Владивостока – Филипп вошёл в пай с китайцами, жил в фанзе с канами (лежанками, под которыми для тепла проведён дымоход)... Здесь состоялось знакомство с семьёй доктора Владимира Ланковского, военного врача польского происхождения и революционных взглядов. Ланковские жили во Владивостоке, в Кипарисово находилась их дача. Ася сдружилась с дочерью доктора Лией Ланковской. Главный врач Уссурийской железной дороги, в конце 1905 года Ланковский принял участие в забастовке и отстранении от должности начальника дороги полковника Кремера, объявив, что тот психически болен и попал под арест, однако в январе 1906 года его освободили взбунтовавшиеся войска. Он надолго бежал за границу – в Японию, на Филиппины. «Теперь мне ясно одно – большевиком он не был», – пишет Колесникова о Ланковском в автобиографической повести «Обычная дорога российская».

О Петре Матвееве (1892–1962) известно немного. Братья в детстве звали его барахольщиком – Пётр прятал в ящичек пуговицы, катушки от ниток, гвозди, перья... Отец называл Петра Плюшкиным. Тихий, болезненный, флегматичный в детстве, Пётр в юности увлёкся спортом, на руках поднимался на пятый этаж. Засел за Канта и Шопенгауэра.

Во время Гражданской войны Пётр Матвеев, как и юный Александр Фадеев, работал в красном подполье Владивостока. Сотрудничал с большевистской газетой «Красное знамя». Потом преподавал.

Человек он был с темпераментом, острый на язык. В генеалогическом древе, составленном в 1989 году родоведом Владимиром Хохловым со слов Татьяны Зотиковны Матвеевой, о Петре есть заметка: «Как-то лошадь ударила по голове, стал нервный характер».

Был знаком, как и другие братья Матвеевы, с поэтом Александром Туфановым. Во второй половине 1920-х находим следы Петра Матвеева в Ленинграде, подле Хармса. Тот выделял в своём окружении группу «мудрецов», или «естественных мыслителей», одним из которых был Пётр. В 1929-м и 1930 годах он упоминается в записных книжках Хармса.

Сам Матвеев называл свою философию новаторской, хотя у окружающих было на этот счёт иное мнение. Зотик Матвеев в начале 1922 года писал: «Петя наш – неисправимый философ и репетитор. Пишет, всё пишет и пишет без конца афоризмы и трактаты и, кажется, на

пятьсот сорок лет вперёд предусмотрел жизнь человечества. Его мир какой-то особенный, ему одному понятный, хотя для нас... и кажется хаосом. Из моря слов, иногда мудрёных, есть и течения вполне приемлемые, но куда они текут, остаётся загадкой». За иронией слышатся грусть, сочувствие и, вероятно, понимание душевной болезни брата.

Татьяна Двинятина и Андрей Крусанов в работе «В круге Хармса...» сообщают: «Окружающие... отмечали независимый вольнолюбивый характер П.Н. Матвеева, сочетавшийся с его полной житейской неприспособленностью». Матвеев-Бодрый в 1927 году писал, что Пётр «так и остался на высотах философии и неумело ступает по земле» (вслед за отцом к высотам, только уже в прямом смысле, устремится его сын Лев). Донат Мечик в записках о своей владивостокской юности сообщает: «Вспоминаю не улыбающегося человека, всегда небрежно одетого и лохматого. Именовался он Нон Эсма и писал только туманные афоризмы».

Что это были за афоризмы? В них явно слышны отголоски Ницше. «Сильный не боится пустоты: его не страшит отсутствие любви, дружбы. Он способен и в пустыне быть сильным». «Ревность, неудачная любовь, потеря друга – болезнь слабых». «Воля – совокупность хотений». «При наличии воли мы наслаждаемся по желанию, при отсутствии её мы придавлены чужой волей». «Прежде чем стать свободным – нужно приучить себя к цепям». «На всё разрушающее тебя смотри спокойно». «Чем сильнее вы тоскуете, тем больше предстоит вам увидеть». «Утончённо умный человек может с ума сойти только инстинктивно». «Познание – дорога. Вера – отдых». «Надо бежать всё дальше и дальше, не останавливаясь». «Будьте так добры, чтобы никто этого не замечал». «Человек не прав, когда винит кого-либо за что бы то ни было. В наших преступлениях виновато всё человечество, а не отдельные личности». «Неудачи – путь к удачам». «Безделье подобно смерти». «Слава – мост с земного мира в загробный». Ну и так далее.

В какой-то момент Пётр Матвеев перебрался под Москву или в Ленинград. Работал учителем математики. Потом навсегда угодил в сумасшедший дом в Куйбышевской (ныне Самарская) области, где и умер. «Как попал туда – не знаю», – пишет с его слов владивостокский краевед Борис Дьяченко. Вот что говорит Валерий Евтушенко: «1937 год не обошёл и его. Правда, он не стал узником ГУЛАГа... Петра Николаевича Матвеева поместили в психиатрическую больницу на всю оставшуюся жизнь. Такая практика существовала при прошедшем режиме». Правда, времена так называемой карательной психиатрии пришли куда позже, в 1960-х, так что помещение Петра Матвеева в клинику, вероятно, имело не политическую, а сугубо медицинскую подоплёку. Николай Матвеев-Бодрый в 1952 году навещал брата в лечебнице под Куйбышевом и нашёл, что тот был «физически болен, но совершенно в здравом уме». В период просветления Пётр даже написал философско-социологический роман «Парадоксалист» и передал рукопись брату.

Когда именно сошлись Пётр Матвеев и Ася Колесникова – вопрос. Вероятно, в самом конце Гражданской войны. В начале 1922-го Зотик Матвеев записал: «Петя на пути к семейной жизни». Лев Петрович Колесников появился на свет в феврале 1923 года, вскоре после этого его родители расстались. Вероятно, официального брака между Петром и Александрой заключено не было. Если они вообще жили вместе, то очень недолго. Мальчик получил фамилию матери, которая его воспитала.

Дальневосточный исследователь жизни и творчества Фадеева Людмила Мартемьянова рассказала о происхождении странного псевдонима Петра Матвеева, ссылаясь на свою переписку с Александрой Колесниковой. В центре Владивостока в революционные годы располагалось кабаре «Аквариум». Его описал в книге «Дикие времена» прозаик Жозеф Кессель, в 1919 году попавший во Владивосток с французскими экспедиционными войсками; в советское время в здании открылся милицейский Дом культуры имени Дзержинского. Пётр захаживал в «Аквариум» и был увлечён рыжеволосой танцовщицей по имени Эсмеральда. Однажды он клятвенно пообещал Асе, уже беременной Львом, даже не смотреть больше в сторону танцов-

щицы, заявив: «Нон Эсме», то есть «нет Эсмеральде» по-латыни. Тут, вероятно, что-то напутано, поскольку не все даты бьются: ещё в 1919 году Пётр Матвеев под именем Нон Эсма издал в отцовском издательстве брошюру афоризмов «Источник силы» с пометкой «Кн. 1» (выходили ли вторая или третья книги – неизвестно). Льва тогда не было, как говорится, даже в проекте. Но, видимо, без Эсмеральды действительно не обошлось.

В автобиографических записках Александра Колесникова упоминает отца своего ребёнка лишь однажды, и то не называя его имени: «С Лёвиным отцом я рассталась. К семье он оказался не приспособлен. Я слишком самостоятельна, чтобы подробней упрекать его или самой каяться». Вот и всё. Заметим: не «мы расстались», а «я рассталась» – это многое говорит о характере Александры.

Лев Колесников своего отца, по всей вероятности, не знал совсем – осталось только отчество. «Я рос без отца», – скажет он позже. Расставшись, Александра и Пётр, видимо, связей не поддерживали. Тем более Лев не мог быть знаком со своим знаменитым дедом – Матвеевым-Амурским, жившим в Японии. Но, конечно, слышал о нём, как и о многочисленных эксцентричных дядях. Льву Колесникову – внуку Николая Матвеева-Амурского, двоюродному брату Ивана Елагина и Новеллы Матвеевой – тоже передалась матвеевская страсть к писательству. Только сочинять он станет не стихи, а прозу.

Александр и Александра: повесть их юности

Ася Колесникова была первой юношеской – и неразделённой – любовью будущего писателя Фадеева.

Об их отношениях следует рассказать подробнее, поскольку Фадеев сыграет определённую роль в судьбе Льва Колесникова. Рассказ этот можно построить на письмах Фадеева к Асе, которые он отправлял ей в Спасск-Дальний в последние годы своей жизни.

Мальчик с большими ушами

Александр и Александра, которую уже звали не иначе как Асей, познакомились во Владивостоке, куда в раннем детстве попал родившийся в 1901 году под Тверью, в селе Кимры, Фадеев. К тому времени его отец, Александр Фадеев-старший, революционер, выходец с Урала, семью оставил. Мать Антонина вышла замуж за врача Глеба Свитыча и отправилась во Владивосток к сестре – Марии Сибирцевой. Та была педагогом, как и её муж Михаил, и настоящей подвижницей.

«Я с шести лет в нашем крае. Дальневосточный край – почти моя родина», – писал Фадеев впоследствии. Фадеевы-Свитычи попеременно жили в нескольких сёлах, включая глухие таёжные, где «тигры крали телят», пока не осели в Чугуевке – в сердце Приморья.

Фадеев с 1910 года учился во Владивостокском коммерческом училище. Жил то у Сибирцевых (сразу и накрепко сдружился с кузенами – Всеволодом и Игорем), то на съёмных квартирах. На лето ездил в Чугуевку – помогал родителям, осваивал крестьянский труд.

Вышло так, что одно время подросток Фадеев и Ася жили рядом, в одном владивостокском дворе на улице Комаровской (впоследствии Геологов, ныне Прапорщика Комарова) – там поселились Сибирцевы. Родители Аси расстались, мама работала то продавщицей в пекарне, то счетоводом. Ася, вспоминая многолюдный двор, где «бегали Шурки, Сашки, Саньки», так говорила о встрече с одним из них: «Играли в лапту, я стремглав летела по двору за мячиком и едва не сбила с ног худощавого и на удивление серьёзного мальчика с книгами в руках. Он молча уступил мне дорогу... Он смотрел на меня и вместе с этим сквозь меня или мимо. Его лицо ничего не выражало. Мне стало обидно...»

Это было, очевидно, самое начало 1910-х. Тогда в Фадееве ещё не было почти ничего от будущего облика – волевого юного партизанского комиссара, высокого, крепкого, красивого, уверенного в себе мужчины, седовласого писателя-орденоносца, большого человека, члена ЦК... Это был хрупкий, тонкий, ранимый мальчик. Степан Пашковский, преподававший ему литературу, записал в те годы: «Бледный, со светлыми льняными волосиками, этот мальчик трогательно нежен. Он живёт какую-то внутренней жизнью».

Осмысленное, более тесное знакомство состоялось несколько позже. Подруги – Ася и Лия – поступили в женскую «зелёную»¹⁴ гимназию. Ася тогда жила в семье Лии. Владивостокское коммерческое училище на улице Нагорной, ныне Суханова, где учился Фадеев, располагалось в нескольких минутах хода от «зелёной» гимназии. Зимой 1915/16 года гимназисток пригласили в гости к «коммерсантам». Колесникова вспоминала: «Были отработаны приседания и полупоклоны, заготовлены подобающие слова и прочие... “китайские церемонии”... Среди представленных нам мальчиков были: Саша Фадеев, Петя Нерезов, Саша Бородкин, Гриша Билименко, Паша Цой». Именно в тот день Фадеев посмотрел на девочку другими – уже не детскими, а юношескими глазами. Позже он напишет ей: «С зимы 1915/16 года – я был тогда в 5-м классе, это было время, когда все мы начали увлекаться танцами, танцевали все перемены – в коридорах и между парт, подымая подошвами пыль, – начала ходить на вечера и девочка Ася, которая была когда-то для меня самой обыкновенной девочкой из одного со мной двора на Комаровской улице». Теперь она показалась ему «необыкновенной» и «таинственной». Она же увидела, что на Сашу, такого простого и общительного, порой находила «задумчивость, а иногда некоторая стеснительность». Уже тогда, по её словам, товарищи нередко называли его «писателем», его сочинения всегда получали высокий балл.

¹⁴ Женские гимназии Владивостока именовались «зелёной» и «коричневой» – в соответствии с цветом формы; «зелёная», она же Алексеевская, имени цесаревича Алексея, располагалась на Суйфунской, ныне Уборевича, «коричневая» – на Пушкинской.

Гимназистки и «коммерсанты» подружились. Ася вспоминала: «Нам Саша, Петя, Паша, Гриша, Саня, Яша были симпатичны совершенно одинаково... Все дружили с книгами, все занимались спортом». Судя по её словам, влюбляться она ни в кого тогда не собиралась. А вот Фадеев, по его позднейшим признаниям, уже с начала 1916-го любил Асю: «Высшей точкой – кульминационным временем, потому что это год, а не мгновение – был 1917/18 учебный год, год образования “коммуны”, год забастовки учащихся, год нашего повзреления, некоторого усложнения наших общих отношений и в то же время наибольшего расцвета нашей общей дружбы. Как часто мы все тогда встречались, как трудно нам было долго не видеть друг друга! И всё-таки где-то ближе к весне 1918 года у нас бывали встречи, овеванные какой-то печалью, точно предвестье разлуки, – если бы мы тогда могли знать, как надолго мы разлучимся вскоре – на всю жизнь!»

Письма Фадеева, в которых он вспоминает отрочество и первую любовь, поражают искренностью и откровенностью. Это настоящая исповедь – тем более ценная, что ни одного автобиографического произведения Фадеев так и не написал. «Если бы вы знали, с какой грустью смотрю я теперь из тридцатилетнего далёка на маленького умненького мальчика с большими ушами, как мне его бесконечно жаль... Когда я в 1930-х годах... мысленно перебирал вновь и вновь всю свою жизнь, я тогда впервые понял, что эта четырёхлетняя любовь к вам – с отроческих лет до юношеского возмужания – не могла быть случайной. Она означала, что было в вашем внешнем и внутреннем облике что-то необыкновенно покорявшее меня и, очевидно, очень мне необходимое. С другой стороны, такая верность в столь ранние годы, соединённая с тщательно скрываемой от других подлинной страстностью... свидетельствовала о незаурядной моей натуре, – я теперь с чистым сердцем, спокойно могу сказать это, не боясь быть обвинённым в нескромности... Нельзя не пожалеть умненького мальчика с большими ушами, потому что необыкновенная, поистине незаурядная любовь его была обречена на неудачу с железной неизбежностью: мне просто не хватало одного года, а ещё лучше – двух лет, чтобы любовь моя была понята и принята. Мне нужно было или быть на год-два старше вас, или иметь счастливую возможность ещё год-два дружить и не разлучаться с вами... Но в те далёкие счастливые годы я был обречён заранее, и вас мне не в чем упрекнуть, потому что это было с вашей стороны вполне естественно, жизненно, было бы даже странно, если бы было иначе. Вы были уже вполне сформировавшаяся девушка, а я был ещё мальчик, а не юноша-мужчина... Юноша-мальчик с большими ушами... просто выпал из вашей памяти». «Вы были девушкой с поэтической душой и, конечно, очень выделялись в довольно, в общем, заурядной, заражённой мелким практицизмом среде. А я тоже был мальчишкой с божьей искрой в душе и не мог не почувствовать этого в вас и не выделить среди других. И вы действительно были очень романтической девушкой, полной таинственных душевных движений, – не притворных (как это бывает у многих девушек), а действительных, не осознанных вами, порождённых вашей природной талантливостью. У вас, конечно, не хватило каких-то качеств воли (и не сложились так жизненные обстоятельства), чтобы на каком-то этапе жизни развить в себе определённую сторону вашего таланта в области искусства, – поэтому вы не стали профессиональным художником или музыкантом...» По письмам видно, как Фадеев снова и снова возвращается к своей юности, в который раз говорит об одном и том же, по-новому формулирует сокровенные мысли, вспоминает давние ощущения: «Как это вполне естественно бывает с мальчиками и девочками, мы с вами, как одноклассники, развивались неравномерно. Вы были уже, в сущности, девушка, а я ещё мальчик». «Должно быть, именно в силу неразделённости чувства оно длилось необыкновенно долго для того возраста – три или четыре года. В сущности, уже только бури гражданской войны заглушили его. Но зато – это бывает в награду от бога – навсегда осталась в сердце эта нежность к вам, и, когда я закрою глаза и каким-то волшебством вдруг представляю себя тем мальчиком, я ощущаю эту нежность в душе совершенно так же, как тогдашнее солнце на веках (когда лежишь в купальне, например), или как запах цветов, травы, листьев тех лет». «Бедный маль-

чик продолжал вас любить, и каждая мимолётная встреча с вами вновь и вновь подогривала в нём эту любовь. Правда, в ней тоже произошли большие изменения. Я всё-таки вырос, и у меня появилось самолюбие. Я очень ясно чувствовал, что я вам не нужен, и у меня вместо беспрекословного обожания прошлых лет, тем более что оно было теперь большей частью заочным (за весь год мы виделись мимолётно два или три раза), всё больше звучало самолюбие: “Что ж, она ещё услышит обо мне, вот придёт время, и все заговорят обо мне!”»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.